

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.14205

EDN: RGMNEV

Образ Михаила Бренка: от «Сказания о Мамаевом побоище» до романа В. А. Лебедева «Искупление»

Р. Е. Тубылевич

*Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина*

(г. Сыктывкар, Российская Федерация)

e-mail: tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирован образ Михаила Бренка, сподвижника московского князя Дмитрия Донского в «Сказании о Мамаевом побоище», лубочной литературе и драме XIX в., а также в исторических романах второй половины XX в. («Дмитрий Донской» (1941) С. П. Бородин, «Зори над Русью...» (1954–1958) М. А. Рапова, «Богатыри проснулись» (1963) М. Д. Каратеева, «Дмитрий Донской» (1980) Ю. М. Лощица, «Искупление» (1980) В. А. Лебедева и др.). Привлечение широкого круга источников позволило выявить траекторию развития этого образа в русской литературе XIX–XX вв. Два эпизода из «Сказания о Мамаевом побоище» (обмен доспехами с великим князем и гибель на Куликовом поле) являются единственной информацией о Михаиле Бренке и опорой для писателей XIX–XX вв. Роли преданного вассала, воина и наперсника Дмитрия Донского стали основой для создания его образов в русской литературе. Сюжетная линия героя в романе В. А. Лебедева «Искупление» расширяется за счет русских летописей и фантазии автора, ограничивается эпизодами жизни уже взрослого героя. Писатель в «Искуплении» обращается к внутреннему миру Бренка. Автор романа представляет героя «ангелом-хранителем» московского князя, его искупительной жертвой в битве Руси с Ордой.

Ключевые слова: Сказание о Мамаевом побоище, исторический роман, Василий Лебедев, Михаил Бренок, сюжет, мотив, образ, рецепция

Для цитирования: Тубылевич Р. Е. Образ Михаила Бренка: от «Сказания о Мамаевом побоище» до романа В. А. Лебедева «Искупление» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 4. С. 295–312. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14205. EDN: RGMNEV

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.14205

EDN: RGMNEV

The Character of Mikhail Brenk: from “The Tale of the Battle with Mamai” to V. A. Lebedev’s Novel “Expiation”

Ruslana E. Tubylevich

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

(Syktyvkar, Russian Federation)

tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the character of Mikhail Brenk, the associate of the Moscow prince Dmitry Donskoy in “The Tale of the Battle with Mamai”, popular literature and drama of the 19th century, as well as historical novels by S. P. Borodin (“Dmitry Donskoy,” 1941), M. A. Rapov (“Dawns over Russia...,” 1954–1958), M. D. Karateev (“The Heroes Awoke,” 1963), Yu. M. Loschits (“Dmitry Donskoy,” 1980), V. A. Lebedev (“Expiation,” 1980) and etc. Including a wide range of sources allowed identifying the development trajectory of the image of Mikhail Brenk in 19th — 20th-century Russian literature. Two episodes from “The Tale of the Battle with Mamai” (exchange of armor with the Grand Duke and death on the Kulikovo Field) are the only pieces of information about him and the foundation for Russian writers of the 19th — 20th centuries. His roles as a devoted vassal, warrior and confidant of Dmitry Donskoy become the basis for his images in Russian literature. The hero’s storyline in V. A. Lebedev’s novel “Expiation” expands due to the material of Russian chronicles and the author’s imagination, is limited to episodes of the life of an already adult hero. In the historical novel “Expiation,” V. A. Lebedev turns to the inner world of this character. Based on motifs from the “The Tale of the Battle with Mamai” and subsequently developed in the novels of his predecessors, he makes him a “guardian angel” of the Moscow prince, his atoning sacrifice in the battle between Medieval Rus’ and the Golden Horde.

Keywords: The Tale of the Battle with Mamai, historical novel, Vasiliy Lebedev, Mikhail Brenk, plot, motif, character, reception

For citation: Tubylevich R. E. The Character of Mikhail Brenk: from “The Tale of the Battle with Mamai” to V. A. Lebedev’s Novel “Expiation”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 295–312. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14205. EDN: RGMNEV (In Russ.)

Михаил Бренок¹ — герой Куликовской битвы, с которым связан сюжет «Сказания о Мамаевом побоище» (далее — Сказания)² и один из мотивов мировой литературы и фольклора. Обменявшись доспехами с князем Дмитрием Донским перед сражением³, Михаил Бренок был принят за своего господина и погиб, защищая княжеское знамя:

«Тъй конь свой дасть под Михаила Андрѣевича под Бреника и ту приволоку на него положиль, иже бѣ ему любимъ паче мѣры, и ть знамя черное повелѣ рыделю своему над нимъ возити. Под тѣм знамянем и убиенъ бысть за великого князя»⁴.

Л. А. Дмитриев считает, что в этом эпизоде подчеркнуто мужество Дмитрия Донского, желавшего сражаться в первых рядах как простой воин [Дмитриев, 1955: 144]. Напротив, Л. В. Соколова, вслед за Л. В. Черепниным [Черепнин: 619–621], видит в нем стремление книжника «передать» заслугу общей победы сподвижникам князя [Соколова, 2024: 31–34]. А. Н. Робинсон пишет о символическом значении обмена одеждой, который позволил Дмитрию освободиться от «княжеского церемониала»⁵ [Робинсон: 22].

Литературные параллели к этим эпизодам, связанным с Михаилом, обнаруживает А. Е. Петров в Сербской «Александрии»: 1) обмен платьем между императором Александром Македонским и его воеводой Антиохом перед походом на силурского царя Евагрида; 2) попытка воеводы царя Дария Ависа «ценой собственной жизни <...> организовать покушение

¹ Отчество и «прозвище» Бренка варьируется в разных списках Сказания. Так, в лицевой рукописи (Государственный исторический музей, собр. Уварова, № 999а) он обозначен как «Михайло Васильевич Брянской», в списке Забелина — «Михаил Брянец», в Распространенной редакции Сказания — «Михаил Андреевич Бренко» (см.: [Журавель]).

² Упоминается также в списке погибших в Краткой и Пространной летописных повестях о Куликовской битве.

³ О переодевании как военной хитрости см.: [Орлов: 159–169, 173–175, 216–220, 227].

⁴ Сказание о Мамаевом побоище / подгот. текста В. П. Бударagina и Л. А. Дмитриева, пер. В. В. Колесова, коммент. Л. А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 6. С. 174.

⁵ «Перемена одежды» — «полная возможность персонажу идентифицировать себя с другим персонажем» (см.: [Мелетинский: 353]).

на (императора. — Р. Т.) Александра (Македонского. — Р. Т.)» и спасти жизнь своего господина (именно с Ависом и сравнивается Бренек в Сказании) [Петров: 60]. Здесь, как отмечает Л. В. Соколова, можно говорить не о заимствовании, а об использовании отдельных мотивов [Соколова, 2020: 672]. М. В. Мелихов обнаруживает типологическую близость этого эпизода с фрагментом средневековой беллетристики, где переодевание является воинской хитростью [Мелихов: 101].

В контексте возвышения Московского княжества все сподвижники Дмитрия Донского характеризуются Л. А. Дмитриевым как «идеальный пример "братской" верности младшего князя старшему, т. е. примером вассальной верности удельного князя великому князю московскому» [Дмитриев, 1959: 429–430]. По мнению Л. В. Соколовой, Бренек становится своего рода «двойником» Дмитрия Донского. В отличие от традиционно для эпоса двойничества, когда характеры героев наделяются качествами «взаимодополняющими» или «противоположными», здесь на фоне недостатка информации о характере Бренка, скорее, можно говорить о другом случае — «дополнении центрального образа второстепенным персонажем» [Соколова, 2024: 39–43].

Итак, образ Михаила Бренка в Сказании характеризуется несколькими качествами: воин, преданный «вассал» великого князя, его «эпический двойник» и «любимец» («наперсник»⁶), возвышению которого Дмитрий Донской поспособствовал.

Несмотря на наличие информации в Сказании, исследователи отмечают отсутствие документальных сведений о Бренке. Родословные легенды, связанные с ним⁷ и вошедшие, например, в «Родословный сборник русских дворянских фамилий» В. В. Руммеля и В. В. Голубцова (1886–1887)⁸, вызывают

⁶ Наперсник в значении «друг, любимец, пользующийся особым доверием» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1983. Вып. 10. С. 173).

⁷ В них предпринимается попытка уточнить статус Михаила Бренка и его происхождение. Например, в родословных легендах Брянчаниновых он назван не воеводой (как в Сказании), а оруженосцем. Предания Челищевых связывают его с родом германских императоров или первых русских князей (см.: [Соколова, 1994], [Шафранова: 583–584]).

⁸ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1886. Т. II. С. 657–658.

сомнения в связи с отсутствием подтверждающих их документов XIV–XV вв. [Веселовский: 498]. Резюмируя выводы предшественников, С. Б. Веселовский пишет следующее: «Бренко был худородным любимцем великого князя и ни его родители, ни потомки не входили в состав боярства... <...> В общем, ни о предках, ни о потомках Бренка мы ничего не знаем» [Веселовский: 498]. Авторы как первых произведений о Куликовской битве XIX в.⁹, так и исторических романов XX в. отталкиваются от сюжета Сказания при создании образа Бренка.

В исторических романах С. П. Бородина «Дмитрий Донской» (1941), М. А. Рапова «Зори над Русью...» (1954–1958), М. Д. Каратеева «Богатыри проснулись» (1963), Ю. М. Лощица «Дмитрий Донской» (1980), Ф. Ф. Шамагонова «Ликуя и скорбя» (1981), Б. В. Дедюхина «Чур меня» (1982), В. С. Возовикова «Поле Куликово» (1982) и Д. М. Балашова «Святая Русь» (1997) сюжетная линия Михаила Бренка может ограничиваться событиями, описанными в Сказании (романы Б. В. Дедюхина и Ю. М. Лощица), или расширяться (все остальные). Ее увеличение осуществляется разными способами. Во-первых, за счет включения Бренка в состав действующих лиц других эпизодов (например, поездки князей с войском в Троицкую обитель (у Д. М. Балашова) или преломление хлеба из Троицы между князем и его воинами (Ю. М. Лощица)). Во-вторых, с помощью вовлечения его как участника в ряд других значимых событий эпохи (выдворение по приказу Дмитрия Донского митрополита Киприана из Москвы у С. П. Бородина

⁹ В «Сказании о Мамаеве воинстве» (поздней переделке, возникшей в народной среде и вошедшей в сборник XVIII в.) история Бренка изложена в варианте Сказания, но в эпизоде его гибели ордынцы его «голову <...> носят на копье перед русскими полками» [Мелихов: 231]. В лубочных романах С. М. Любецкого «Сокольники, или Поколебание владычества татар над Россиею» (1832), М. Е. Евстигнеева «Мамай, или Жертва порока» (1871) Михаила под княжеским знаменем замещает вымышленный герой (см.: [Пушкарев, Сидорова: 147, 150]). В трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской» (1807), пьесе Д. В. Аверкиева «Мамаево побоище...» (1864) и повести Д. Л. Мордовцева «Мамаево побоище» (1881) сюжетная линия Михаила создана с опорой на «Сказание», но выделены разные «границы» его образа: «воин-богатырь» (у Д. Мордовцева) и близкий друг (наперсник) Дмитрия Донского (у В. Озерова). Герой думает и чувствует как современный автор (см.: [Державина: 83–103], [Ungorianty: 40–75]).

и Д. М. Балашова), строительство каменного Кремля (С. П. Бородин, М. А. Рапов). Наконец, благодаря созданию вымышленных эпизодов с ним. Его история может начинаться с его детства (М. А. Рапов) или ограничиваться зрелыми годами (все остальные).

Намеченные в Сказании роли Михаила Бренка изменяются. Во-первых, отношения «вассал — господин» заменяются на «сподвижничество» и «товарищество» (но остаются у Ю. М. Лоцица)¹⁰ в связи с замыслом писателей 1940–1960-х гг. приблизить образ «вождя» (князя) к «народу»¹¹, а авторов 1970–1990-х гг. — взглянуть на ключевые фигуры эпохи с точки зрения их «человеческой сути». Романисты придумывают эпизоды, в которых Михаил Бренок показан как надежный сподвижник и друг детства князя Дмитрия Ивановича (последнее подробно у М. А. Рапова).

Во-вторых, конкретизируются служебные обязанности Михаила. В разных романах он следит за порядком среди строителей московского Кремля, участвует в «думном сидении» Дмитрия Донского с его ближними боярами, отвечает за безопасность князя, подбирает инженеров для возведения мостов через Дон для переправы войск, формирует и подсчитывает полки и др. Авторы предлагают и различные варианты «должности» Бренка: отрок, постельничий¹², боярин и воевода. Больше внимания уделяется воинским умениям Михаила, ярко изображенным в эпизоде Куликовской битвы.

¹⁰ «Михайла Бренка, что безропотно принял смерть в одеянии своего господина» (Лоциц Ю. М. Дмитрий Донской. 3-е изд., доп. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 242).

¹¹ В романе С. П. Бородин автор сосредоточивает внимание читателя на классовом конфликте между князем и простым народом. Под его влиянием и образ Бренка получает иронические коннотации: «Да и пышность его нескладна, дорогое все на нем, а будто с чужого плеча, будто Дмитриево донашивает» (Бородин С. П. Дмитрий Донской. М.: Воениздат, 1987. С. 43). О методе работы С. П. Бородин с историческими источниками см.: [Каргалов: 94–109].

¹² Отрок — младший княжеский дружинник. Постельничий — придворный, в обязанности которого входило следить за постелью князя и постельной казной. (См.: Алапин С. З. Отроки // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб.: Тип. И. А. Эфрона, 1897. Т. 22 (43). С. 464; [Сергеевич: 552, 554–555]).

В-третьих, роль княжеского «двойника» ограничивается его функцией «заместителя» князя во время сражения и обусловлена чаще всего желанием князя участвовать в битве наравне с остальными воинами (народом) и особым доверием к Бренку.

Наконец, с образом Михаила связываются и новые мотивы: предвидение его судьбы им самим или тем, кто наделен особыми знаниями (Сергий Радонежский у Д. М. Балашова¹³), влияние его идей на решения великого князя (М. А. Рапов — желание Дмитрия биться в первых рядах войска, как князь Святослав, идеал князя-воина для Бренка).

Характер героя в романах варьируется. Он предстает то тихим и скромным (у Ф. Ф. Шахмагонова), то вспыльчивым и восторженным (М. А. Рапов), то спокойным и деловитым (в остальных романах). При этом его образ, заданный исходным «амплуа», раскрывается авторами почти без углубления во «внутренний мир». Иначе поступает В. А. Лебедев в романе «Искупление».

Обращение Василия Алексеевича Лебедева (1934–1981) к историческому прошлому связано не только со стремлением увидеть в нем корни современных писателю проблем, но и с его уверенностью в «выявленности народно-национального идеала в прошлом яснее, чем в настоящем» [Богданова, 2004: 28]. Исторические романы «Обреченная воля» (1975), «Утро Московии» (1976) и «Искупление» (1980) — результат размышлений автора о логике отечественной истории и о влиянии исторических событий, воспринимаемых через призму морально-этического критерия, на «духовное самоопределение» героев [Богданова, 2004: 33]. В романах В. Лебедева поднимаются «проблемы духовного разлада, национальной разрозненности, душевной дремотности» [Богданова, 2017: 22], автор ищет ответ на вопрос «с чего начинается человек?» [Мессер: 16].

¹³ В Сказании и «Житии Сергия Радонежского» Сергий наделен даром «прозорливости»: он не только предвидит исход сражения, но и, когда битва еще идет, молится о погибающих воинах, называя их поименно. Д. М. Балашов, стремясь воссоздать образ Троицкого игумена во всей его сложности, сохраняет эту черту (см.: [Бычков]).

Важную роль играет религиозно-христианская символика (библейские мотивы, «душа христианская» как «один из главных элементов нравственно-эстетической системы» писателя) [Богданова, 2017: 21].

Социально-психологический роман «Искупление» становится вершиной творчества В. Лебедева. Его название, связанное с проблемой искупления грехов «вероотступничества, братопредания, небрежения земли своей» [Богданова, 2005: 405], является одновременно и лейтмотивом, раскрывающим сюжет, образы персонажей и идейное поле произведения. Художественный мир романа создается автором с опорой на средневековую картину мира, отраженную в летописях: борьба Руси и Орды изображается как сражение «света» и «тьмы», «Бога» и «дьявола». Символическая антитеза «свет» — «тьма» (и ее варианты: «дух» — «плоть», «вера» — «неверие», «святость» — «грех») пронизывает все уровни произведения и влияет в том числе на персонажей, разделенных на «своих» и «чужих», «светлых» и «темных» [Богданова, 2023: 245–246]. К «светлым» образам относится и Михаил Бренок.

Образ Михаила Бренка позволяет увидеть, каким душевным и нравственным складом должен обладать человек, способный на самопожертвование.

Создавая историю героя, В. Лебедев действует, как и его предшественники, обращаясь к эпизодам Сказания (моление в Троицкой обители перед походом) и значимым событиям эпохи из русских летописей (встреча монгольского посла Сарыхожи в Москве, поездка великого князя в Орду). Особое внимание он уделяет и вымышленным эпизодам. Как и в романе М. А. Рапова, в них входит также доверительное общение Бренка с Дмитрием Донским. М. Рапов изображает формирование дружбы между детьми — Дмитрием и сыном его ближнего боярина («старого Бренко») — на основе симпатии, сходства взглядов и характеров. У В. Лебедева акцент делается, с одной стороны, на испытанной надежности

взрослого Бренка¹⁴, однажды спасшего жизнь великого князя¹⁵, а с другой — на чутье Дмитрия Донского и его знании людей.

Сюжетная линия Михаила у В. Лебедева создается в фокусе его возвышения от сокольничьего¹⁶, мечника¹⁷ до «заместителя» Дмитрия Донского на Куликовом поле. Причиной этого становится доверие московского князя (отмеченное и в остальных романах):

«Не от добрых предчувствий жалуя тебя, Михайло, в мечники. Мнится мне, что грядут тяжкие дни, и не посторониться от них, не утечь» (27).

Возвышение Михаила становится проверкой его порядочности. Ее он успешно выдерживает и вместо гордости и тщеславия проявляет скромность и верность своему благодетелю. Так, на вопрос алчного князя Ю. В. Кочевина-Олешинского о денежной выгоде в связи с его повышением, отвечает:

«Я князю служу не за злато и благо — молю ему по вся дни за душу христианскую его...» (35).

¹⁴ «Михайло <...> сколько у нас с тобою лесов исхожено, сколько воды намучено, сколько рыбы да зверя изловлено» (Лебедев В. А. Искушение. Исторический роман. Л.: Сов. писатель, 1991. С. 27. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках).

¹⁵ Этот мотив русской литературы связан с образом правителя, см. о мотивах «Спасение царя» и «Царь-строитель»: Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: экспериментальное издание. 2-е изд., стер. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 1. С. 143–144; С. 155–156.

¹⁶ Сокольничий — «один из старинных чинов княжеского двора, стоявший во главе соколиной охоты, а иногда и всех учреждений военно-княжеской охоты...» (Рудаков В. Е. Сокольничий // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Эфрона), 1900. Т. 60. С. 737. «В сокольничие и ловчие назначались люди неименитые» (см.: [Сергеевич: 563])).

¹⁷ «Мечники набирались из числа отроков, впоследствии детских, причем лучших, находились непосредственно при князе, окружали и всюду сопровождали его в качестве оруженосцев-телохранителей и вполне могли выступать непосредственными исполнителями по различным менее важным вопросам княжеского управления» [Максимова: 18].

Благодарностью князю становятся верная служба и отклик «Исполню, княже!» — (22) как ответ на любую просьбу Дмитрия Донского.

Во многих романах о Куликовской битве Михаил исправно служит московскому князю, но только у В. Лебедева его помощь имеет судьбоносное значение для Дмитрия. Так, Бренко спасает его жизнь на охоте¹⁸ (когда князь впервые отмечает его «надежность»), помогает победить Мамаю в символической сцене соколиной охоты в Орде (см. об этом: [Богданова, 2004: 85]) (выращенный им сокол настигает добычу раньше орла темника), впервые приводит Дмитрия на Куликово поле, заметив его как хорошее охотничье место.

Цветовая (оттенки розово-алого) и световая символика сподвижника Дмитрия Донского (центра «светлых» образов) (см. об этом: [Богданова, 2004: 55]) отражают душевную чистоту Бренка. Например, в эпизодах его смущения (от любви к боярской дочери Анисье или от предвкушения любимой охоты — «вспыхнул румянцем на щеках <...> да и уши залило краской» (27), «легкий румянец, будто свет вечерней зари, орумянил его щеки...» (60)) или спокойствия («глаза <...> чистые, прямые, как у отрока» (79); «Бренок <...> опустил красивую голову. Темный волос в полумраке рассвета казался еще темней, и так же свежо и ангельски чисто высвечивало лицо» (118)).

В эпизоде солнечного затмения, во время поездки Дмитрия Донского в Орду, герой обращается к молитве как к защите от зла:

«За гордыню, за грехи наши... — молился Бренок. <...>. Небо светлело, и на нем выступил светлый край солнечного ореола <...>. Когда же стало во весь размах сиять на небе солнце, Бренок все еще молился, но уже за дарование людям света и жизни» (160).

¹⁸ «Тут память вывела опять на Бренка: вспомнилось, как скакали они за волком. Княжеский конь чуть опередил коня Бренка. Князь оглянулся, — толстенный сук — вот он, у самой головы, в трех локтях... И не носить бы головы князю, да Бренок вытянулся над шеей коня и, как молнией блеснул, срубил тот сук с пути князя. Саженой пять проволока сук на плече Дмитрия... Лет шесть тому, а не забывается такое...» (22).

В романе изображается и вера средневекового человека в предопределенность судьбы, которую можно «считать» заранее. У Д. Балашова мотив предвидения судьбы Бренка, прежде всего, связан с образом святителя Сергия Радонежского. В. Лебедев развивает эту не осознаваемую Михаилом прозорливость еще дальше: он не только чувствует свою судьбу (в Троицкой обители стремится первым получить благословение Сергия¹⁹, ладит чистую рубаху перед битвой, готовясь к смерти²⁰), но и невольно предрекает скорую гибель своему товарищу — Дмитрию Монастыреву, впоследствии погибшему в битве на реке Воже (1378)²¹. Вера становится одним из отличительных качеств Бренка. Это вера не только в Бога, но и в могущество московского правителя:

«И это оценил в Бренке Дмитрий, охваченный теплой волной благодарности к слуге, верившему в невозможное — в бессмертие великого князя» (243).

Как и в Сказании, Михаил у В. Лебедева становится верным слугой и сподвижником Дмитрия Донского.

В «Искуплении» Михаил Бренок — «двойник» Дмитрия Донского. Это проявляется во внешнем и, что еще более важно, внутреннем сходстве обоих героев:

«Росту хорошего, с князем они — бровь в бровь и волосом оба темны. Бороды у обоих легкие, веселые, и обоим по равну лет... Любил князь, чтобы рядом был этот человек, близкий душе его» (22).

Перед Куликовской битвой, облачившись в княжеские доспехи²² и взяв коня Дмитрия, Бренок как будто принимает

¹⁹ «Благослови, отче! — воскликнул Бренок и, оттеснив Боброка, вышел вперед, пал на колени» (336).

²⁰ «А ты, Михайло, рубаху ладишь — долгу жизнь чуешь, знать! — весело заметил Елизар. Бренок ничего не ответил ему, лишь посмотрел в глаза долгим, печальным взором» (369).

²¹ «Бренок от красного угла обронил невесело:

— Неносишь ты, Митька, головы!

— Не сношу — меч тебе достанется, давно отказал тебе!» (214).

²² «Вот они поменялись одеждою, и, когда Бренок надел золоченый шлем, даже ближние бояре не сразу увидели разницу — так похож был теперь Бренок на великого князя» (374).

и смерть, грозящую князю, о чем свидетельствует примета из русских былин о поведении богатырского коня²³.

Амплуа Михаила, созданное в исторических романах предшественников, у В. Лебедева изменяется до варианта «преданный оруженосец» — «единомышленник» — «двойник». Это обусловлено замыслом автора, сделавшим лейтмотивом романа идею искупления грехов «вероотступничества, брато-предания, небрежения земли своей» [Богданова, 2005: 405], залогом которого станет возвращение героев романа к искренней вере, верности ближнему и заботе об общем благе, а не личной выгоде. Этим принципам и следует Михаил Бренок. Его безграничная вера в могущество московского князя (и даже чуть ли не в бессмертие!), преклонение перед ним и верность его принципам и взглядам, которые Михаил разделяет и сам, обеспечивает ему роль надежного помощника князя. Для героя князь не только по социальному положению, но и по духовным качествам, «миссии» неизмеримо выше его. Бренок становится верным оруженосцем и помощником Донского, близким ему по духу человеком. Среди воинов, вышедших на Куликово поле, Михаил уже выступает как добровольная жертва во имя искупления общих грехов. Для этого и понадобился автору герой с чистой душой и верным сердцем, каковым и стал Михаил Бренок.

Таким образом, роли Михаила Бренка в Сказании — воин, вассал и преданный слуга, «эпический двойник» и доверенное лицо великого князя — становятся основой для его образа в русской литературе XIX–XX вв. В романах второй половины XX в. на первый план выходят его функции верного слуги, товарища и сподвижника Дмитрия Донского, роль «эпического двойника» ограничивается замещением князя во главе полка на Куликовом поле без акцента на внешнем или внутреннем сходстве героев. Сюжетная линия Бренка строится вокруг связанных с ним эпизодов Сказания. В романах С. П. Бородина, М. А. Рапова, М. Д. Каратеева, В. С. Возовикова, Д. М. Балашова

²³ «Княже! У тя конь три крат споткнулся...

— От судьбы, Михайло, не посторонишься...

— Отдай мне твоего коня!» (374).

В былинах спотыкание коня — «предзнаменование гибели седоку» [Миронов: 26].

и др. она расширена за счет событий, описанных в русских летописях и вымышленных писателями. Авторы конкретизируют круг обязанностей Михаила на службе у князя, предпринимают попытки объяснить доверие Дмитрия Донского к нему, в частности делая Михаила другом детства московского князя. Появляются и новые мотивы, связанные с персонажем: предвидение судьбы и влияние его идей на решения Дмитрия Донского.

В. А. Лебедев, как и его предшественники, строит сюжетную линию героя на пересказе связанных с ним фрагментов Сказания, событий русских летописей и вымышленных им эпизодов; развивает мотивы предвидения и влияния идей Михаила на решения великого князя. В отличие от других авторов, он уделяет много внимания личному общению Бренка и Дмитрия Донского и раскрывает сюжетную линию героя через призму его возвышения при дворе московского князя. Последнее становится проверкой порядочности и скромности героя, а его помощь в некоторых событиях имеет решающее значение для их благополучного исхода (спасение великого князя на охоте, победа Дмитрия над Мамаем в соколиной охоте в Орде, выбор места битвы Руси с Ордой).

Писатель обращается к внутреннему миру Михаила Бренка, главными качествами которого являются его вера (в Бога и князя), преданность и душевная чистота. Бренок как «двойник» Дмитрия Донского (имеющий с ним внешнее и внутреннее сходство) становится одним из искупителей грехов «веротступничества, братопредания и междоусобия» на Куликовом поле.

Список литературы

1. Богданова О. В. Историческая проза 1960–1990-х годов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 105 с.
2. Богданова О. В. Лебедев Василий Алексеевич // Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги: библиографический словарь: в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 2. С. 404–405.
3. Богданова О. В. Библейский мотив в романе В. А. Лебедева «Обреченная воля» // Успехи науки — 2017: сб. мат-лов X Междунар. науч.-практ. конф. (1 июня 2017 г.). М.: НИЦ «Империya», 2017. С. 18–22.

4. Богданова О. В. «Искупление» Василия Лебедева: национальное и государственное // Богданова О. В., Цветова Н. С. Эпох скрещенье... Русская проза 1960-х — 2020-х годов. СПб.: Алетей, 2023. С. 245–261.
5. Бычков Д. М. Система стилевых признаков агиографической традиции в романе Д. М. Балашова «Похвала Сергию» // Гуманитарные исследования. 2011. № 3 (39). С. 124–133 [Электронный ресурс]. URL: [https://humanities.asu.edu.ru/files/3\(39\)/124-133.pdf](https://humanities.asu.edu.ru/files/3(39)/124-133.pdf) (07.06.2024).
6. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служивых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 584 с.
7. Державина О. А. Древняя Русь в русской литературе XIX века: сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века. М.: [б. и.], 1990. 416 с.
8. Дмитриев Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 11. С. 140–155.
9. Дмитриев Л. А. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 406–448.
10. Журавель А. В. «Бренки» на Куликовом поле // Деснинские древности: мат-лы межгос. науч. конф. «История и археология Подесенья», посвящ. памяти брян. археолога и краеведа Ф. М. Заверняева. Брянск, 2006. Вып. IV. С. 211–220 [Электронный ресурс]. URL: <http://hrono.ru/statii/2006/brenki.html> (07.06.2024).
11. Каргалов В. В. Московская Русь в советской художественной литературе. М.: Высш. школа, 1971. 184 с.
12. Максимова Н. А. Состав административно-хозяйственных чинов княжеской службы в древней Руси // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 3. С. 12–19 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18781710_86486489.pdf (07.06.2024). EDN: PUZZYP
13. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд., репр. М.: Восточная литература РАН, 2000. 407 с.
14. Мелихов М. В. «Мечом и глаголом»: героическая традиция в русской литературе XII–XVII вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 320 с.
15. Мессер Р. Д. Идущие вослед: литературные портреты. Л.: Лениздат, 1979. 240 с.
16. Миронов А. С. Эпос русских: ценности. М.: Институт Наследия, 2023. Ч. 2: Героические «энергии»: Сила и гнев. 352 с.
17. Орлов А. С. Сказочные повести об Азове. История 7135 года. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1906. 270 с.
18. Петров А. Е. «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20). С. 54–64 [Электронный ресурс]. URL: https://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s2_20_4.pdf (22.05.2024).

19. Пушкарев Л. Н., Сидорова Л. П. Повести о Куликовской битве в русской лубочной картинке и книжке XIX — начала XX века // Куликовская битва в литературе и искусстве. М.: Наука, 1980. С. 129–154.
20. Робинсон А. Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. М.: Наука, 1980. С. 10–38.
21. Сергеевич В. И. Древности русского права: в 3 т. М.: Гос. публичная историческая б-ка России, 2007. Т. 1. 706 с.
22. Соколова Л. В. К вопросу о датировке и авторстве «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. Т. 56. С. 643–682. DOI: 10.31860/0130-464X-2020-67-643-682
23. Соколова Л. В. Мотив парности персонажей в «Сказании о Мамаевом побоище» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 1. С. 26–50 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1708017675.pdf (22.05.2024) DOI: 10.15393/j9.art.2024.13382
24. Соколова Л. Д. Родословие семьи Брянчаниновых // Городок на Московской дороге: ист.-краеведч. сб. Вологда: Ардвисура, 1994. С. 34–56.
25. Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 899 с.
26. Шафранова О. И. Предки, современники, потомки // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова: в 8 т. / общ. ред. О. И. Шафрановой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Паломник, 2014. Т. 1. С. 583–651.
27. Ungorany D. Plotting History: The Russian Historical Novel in the Imperial Age. Madison: The University of Wisconsin Press, 2007. 335 p.

References

1. Bogdanova O. V. *Istoricheskaya proza 1960 — 1990-kh godov* [Historical Prose of the 1960s — 1990s]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2004. 105 p. (In Russ.)
2. Bogdanova O. V. Lebedev Vasily Alekseevich. In: *Russkaya literatura XX veka: prozaiki, poety, dramaturgi: biobibliograficheskiy slovar': v 3 tomakh* [Russian Literature of the 20th Century: Writers, Poets and Dramatists: Biobibliographic Dictionary: in 3 Vols]. Moscow, OLMA-PRESS Invest Publ., 2005, vol. 2, pp. 404–405. (In Russ.)
3. Bogdanova O. V. Biblical Motif in Vasily Lebedev's Novel “Doomed Will”. In: *Uspekhi nauki — 2017: sbornik materialov X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (1 iyunya 2017 g.)* [Science Advances — 2017: Collection of Materials from the 10th International Scientific and Practical Conference (June 1, 2017)]. Moscow, Scientific Publishing Center “Empire” Publ., 2017, pp. 18–22. (In Russ.)

4. Bogdanova O. V. Vasily Lebedev's "Expiation": National and State. In: *Bogdanova O. V., Tsvetova N. S. Epokh skreshchen'e... Russkaya proza 1960-kh — 2020-kh godov* [Bogdanova O. V., Tsvetova N. S. *Epochs Crossing... Russian Prose of the 1960 — 1990*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2023, pp. 245–261. (In Russ.)
5. Bychkov D. M. The System of Stylistic Features of the Hagiographic Tradition in D. M. Balashov's Novel "Praise Sergius". In: *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Researches], 2011, no. 3 (39), pp. 124–133. Available at: [https://humanities.asu.edu.ru/files/3\(39\)/124-133.pdf](https://humanities.asu.edu.ru/files/3(39)/124-133.pdf) (accessed on June 7, 2024). (In Russ.)
6. Veselovskiy S. B. *Issledovaniya po istorii klassa sluzhivyykh zemlevladel'tsev* [Studies on the History of the Service Landowning Class]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 584 p. (In Russ.)
7. Derzhavina O. A. *Drevnyaya Rus' v russkoy literature XIX veka: syuzhety i obrazy drevnerusskoy literatury v tvorchestve pisateley XIX veka* [Ancient Rus' in Russian Literature of the 19th Century: Plots and Images of Ancient Russian Literature in the Works of Writers of the 19th Century]. Moscow, 1990. 416 p. (In Russ.)
8. Dmitriev L. A. Journalistic Ideas of "The Tale of the Battle with Mamai". In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 11, pp. 140–155. (In Russ.)
9. Dmitriev L. A. To the Literary History of "The Tale of the Battle with Mamai". In: *Povesti o Kulikovskoy bitve* [Short Novels About the Battle of Kulikovo]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959, pp. 406–448. (In Russ.)
10. Zhuravel' A. V. "Brenki" on the Kulikovo Field. In: *Desninskie drevnosti: materialy mezghosudarstvennoy nauchnoy konferentsii "Istoriya i arkheologiya Podesen'ya", posvyashchennoy pamyati bryanskogo arkheologa i kraevedy F. M. Zavernyaeva* [Antiquity of Desna: Materials of the Interstate Scientific Conference Devoted to the Memory of the Bryansk Archaeologist and Local Historian F. M. Zavernyaev]. Bryansk, 2006, issue 4, pp. 211–220. Available at: <http://hrono.ru/statii/2006/brenki.html> (accessed on June 7, 2024). (In Russ.)
11. Kargalov V. V. *Moskovskaya Rus' v sovetskoy khudozhestvennoy literature* [Moscow Rus' in Soviet Fiction]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971. 184 p. (In Russ.)
12. Maksimova N. A. The Composition of the Administrative and Economic Officials of the Prince's Life in Ancient Russia. In: *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2012, no. 3, pp. 12–19. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_18781710_86486489.pdf (accessed on 7 June, 2024). EDN: PUZZYP (In Russ.)
13. Meletinskiy E. M. *Poetika mifa* [The Poetics of the Myth]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000. 407 p. (In Russ.)
14. Melikhov M. V. "Mechom i glagolom": geroicheskaya traditsiya v russkoy literature XII–XVII vv. ["By Sword and Verb": Heroic Tradition in Russian

- Literature of the 12th — 17th Centuries*]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018. 320 p. (In Russ.)
15. Messer R. D. *Idushchie vosled: literaturnye portrety* [Following After: Literary Portraits]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1979. 240 p. (In Russ.)
 16. Mironov A. S. *Epos russkikh: tsennosti. Geroicheskie “energii”: Sila i gnev* [Russian Epic: Values. Heroic “Energies”: Power and Passion]. Moscow, Heritage Institute Publ., 2023. 352 p. (In Russ.)
 17. Orlov A. S. *Skazochnye povesti ob Azove. Istoriya 7135 goda* [Fairy Tales About Azov. History of 7135]. Warsaw, Warsaw’s School District Printing House, 1906. 270 p. (In Russ.)
 18. Petrov A. E. “The Serbian Alexandria” and “The Tale of the Battle with Mamai”. In: *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2005, no. 2 (20), pp. 54–64. Available at: https://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s2_20_4.pdf (accessed on May 22, 2024). (In Russ.)
 19. Pushkaryov L. N., Sidorova L. P. Short Novels of the Battle of Kulikovo in Russian Lubok Images and Booklets of the 19th Century to the Beginning of the 20th Century. In: *Kulikovskaya bitva v literature i iskusstve* [The Battle of Kulikovo in Literature and Art]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 129–154. (In Russ.)
 20. Robinson A. N. The Evolution of Heroic Images in Short Novels About the Battle of Kulikovo. In: *Kulikovskaya bitva v literature i iskusstve* [The Battle of Kulikovo in Literature and Art]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 10–38. (In Russ.)
 21. Sergeevich V. I. *Drevnosti russkogo prava: v 3 tomakh* [Antiquities of Russian Law: in 3 Vols]. Moscow, The State Public Historical Library of Russia Publ., 2007, vol. 1. 706 p. (In Russ.)
 22. Sokolova L. V. On the Dating and Authorship of “The Tale of the Battle with Mamai”. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2020, vol. 56, pp. 643–682. DOI: 10.31860/0130-464X-2020-67-643-682 (In Russ.)
 23. Sokolova L. V. The Motif of Binary Characters in “The Tale of the Battle with Mamai”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2024, vol. 22, no. 1, pp. 26–50. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1708017675.pdf (accessed on May 22, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2024.13382 (In Russ.)
 24. Sokolova L. D. Genealogy of the Brianchaninov Family. In: *Gorodok na Moskovskoy doroge: istoriko-kraevedcheskiy sbornik* [Town on the Moscow Road: Collection of Historical and Local Lore]. Vologda, Ardivisura Publ., 1994, pp. 34–56. (In Russ.)
 25. Cherepnin L. V. *Obrazovanie russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh. Ocherki social’no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rusi* [Formation of the Russian Centralized State in 14th — 15th Centuries. Essays on the Socio-Economic and Political History of Rus’]. Moscow, Publishing House of Socio-Economic Literature, 1960. 899 p. (In Russ.)

26. Shafranova O. I. Foregoers, Contemporaries, Descendants. In: *Polnoe sobranie tvoreniy svyatitelya Ignatiya Bryanchaninova: v 8 tomakh* [St. Ignatius Bryanchaninov's Complete Works: in 8 Vols]. Moscow, Palomnik Publ., 2014, vol. 1, pp. 583–651. (In Russ.)
27. Ungorany D. *Plotting History: The Russian Historical Novel in the Imperial Age*. Madison, The University of Wisconsin Press Publ., 2007. 335 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тубылевич Руслана Евгеньевна, Ruslana E. Tubylevich, Junior Researcher at the Research Laboratory “Philological Studies of the Spiritual Culture of the North”, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Oktyabr'skiy prospekt 55, Syktyvkar, 167001, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0984-357X>; e-mail: tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.07.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 02.09.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

Дата публикации / Date of publication 21.11.2024